

Юлия Пересильд рассказала о своей роли в фильме "Холодное танго"

Российская актриса театра и кино, заслуженная артистка России **Юлия Пересильд** рассказала об участии в съемках фильма "Холодное танго". Премьера военной драмы Павла Чухрая состоится 22 июня.

Начнем с кастинга... Он был долгим, непростым?

Вообще слово "простота" – это не Павла Григорьевича, не про его человеческую организацию. И я за это его люблю. В кинопроизводстве сейчас таких людей очень мало. Молодое поколение (а я себя причисляю к этому поколению тоже) делает все очень быстро: раз-два, вместе, весело, задорно – и погнали! А Павел Григорьевич – прекрасный талантливейший перфекционист, который будет мучить себя, мучить других, вытаскивать по одному нерву из актера. Такой человек никогда до конца не может быть доволен результатом. Поэтому кастинг был очень сложным.

Павел Григорьевич и Сабина (как продюсер) не видели меня в этой истории изначально. Это я могу сказать с уверенностью. В этом, конечно, есть своя логика: главная героиня литовка. И наверно проще было взять литовскую актрису, которая бы естественно и легко передала свою

национальную принадлежность и этот прибалтийский характер, колорит.

Но я просто так не сдаюсь. Я хожу на пробы и сама часто прошу сделать пробы. Здесь было так же. Я ходила, пробовала. И в какой-то момент поняла, что мне с Павлом Григорьевичем очень здорово, просто раз – и полетела. Я почувствовала, что он видит меня в этой роли, несмотря на всякое отсутствие логики – все мои предыдущие роли и мои физические данные говорили, что роль не для меня. Это должна была быть девушка модельной внешности (если говорить про прямое попадание кастинга), более экзальтированная, эмансипированная, другой внешности.

Когда начались пробы, я даже не знала, с чего начать, как подступиться к этой роли. Это совсем не я, это абсолютно другой человек, ко мне прямого отношения не имеющий. Это холодная, достаточно наглая, пропитанная насквозь болью, ни во что не верящая женщина. Такая неблизость меня и зацепила. У меня аппетит к таким сложным ролям, а после съемок он стал еще больше. Поэтому мне очень хочется посмотреть еще раз фильм, чтобы увидеть, какой меня сделал Павел Григорьевич.

А еще в какой-то момент кастинг-директор фильма пропал. Поняла, что пробуют еще много актрис параллельно. Я к таким ситуациям очень ревностно отношусь: если я в итоге не буду в этом участвовать, то ок, я смирюсь, но если меня утверждают, я начинаю копать и выискивать в себе и других подвохи. Это как в отношениях мужчины и женщины – если быстро встретились и разошлись – это жизнь, так бывает. А если ты понимаешь, что что-то может сложиться, а мужчина (режиссер) смотрит еще кого-то – появляется мысль “я не единственная, я не одна?”. Но мы в итоге нащупали с Павлом Григорьевичем какую-то общую волну, поняли, что будем вместе.

Еще парные пробы, Риналь Мухаметов?..

Да, Риналь Мухаметов... Я представляла его каким-то таким довольным красавчиком. Мы не были знакомы, но имидж мне представлялся таким. Такие люди меня напрягают и пугают, потому что, как правило, внутри они не очень глубоки, пусты. Ну не может серьезный человек постоянно улыбаться и быть всем доволен. Не здесь и не в нашей среде.

И вот первая наша встреча в гримерке, мы решаем немного размять текст... И вдруг Риналь начинает заикаться, не может сказать мне ни слова, но предупреждает, что потом все будет хорошо. Я, рыдая, вылетела из гримерки: меня это настолько шокировало. Я уже повесила этот ярлык “бездумного красавчика” на человека, и тут понимаю, что это все неправда, что в нем есть история посложнее моей, возможно. Мне стало жутко стыдно за себя и появился интерес.

Мы стали работать с Риналем. Не сразу с ним сошлись. Мы спорили в грим-вагонах о наших ролях, мы по-разному видели эту жизнь. Но в какой-то момент мы с ним так хорошо схлестнулись – по-человечески, творчески... Пиком этих отношений стал танец. В фильме его совсем чуть-чуть, жаль. Тогда я поняла, что мы очень хорошо друг друга чувствуем: мы за два часа разложили танец, который получился здорово, страстно, эмоционально. Мы настроились на одну волну, и было хорошо.

А потом пришлось не только танцевать, а курить и петь...

Да, при том, что я совсем не курю... А у героини “Прима” с собой всегда. Была одна сцена – в арке – я извела полторы пачки сигарет во время съемок. Ночь, делали сцену очень долго, я под

конец стояла уже в каком-то тумане, опьянев от этих сигарет.

Для меня съемки фильма были очень напряженными. Даже сейчас, когда я просто вспоминаю, внутри это напряжение возникает. При том, что в целом, на съемках, я чувствовала себя не то чтоб королевой, но настоящей женщиной. Потому что постоянно находилась в окружении настоящих мужчин – киношников еще той, старой, школы. И оператор Игорь Клебанов, и Павел Григорьевич, и Михаил Жердин... – все смотрели на меня, в том числе, как на красивую женщину.

Красивая женщина создается взглядами мужчин. Со мной только так и происходит, потому что не отношу себя к категории красивых. И когда это ощущение есть на площадке – это очень помогает и окрыляет. Но напряжение, которое было внутри – адское.

Павел Григорьевич на пробах и уже после утверждения меня на роль Лаймы кидал мне на почту какие-то скрины, как он это видит, конкретные образы. И все это были какие-то такие женщины – с тонкими длинными руками, с острыми коленками, изломанные, похожие на моделей Хельмута Ньютона. Были и очень откровенные снимки. Все, что угодно, только не женщина-мать. Я приезжала на съемки в Вильнюс и буквально обклеивала номер этими фотографиями.

Я не могла уснуть каждый раз перед сменой, потому что боялась, что не смогу дать той энергии, которая нужна была режиссеру. Эту ненависть и эту любовь. Это тяжелые, выматывающие чувства, сосущие из тебя энергию. Конечно, Лайма совсем высосана изнутри. Из нее выпили всю кровь.

Эта героиня способна еще любить? Как она к Максy относится?

Да. Она любит Макса, безусловно. Это очень животная любовь; Лайма ненавидит Макса настолько, что не может не любить. Она не может быть к нему равнодушна, ее ненависть на таком пределе, что это уже настоящая любовь – оба эти чувства в ней постоянно борются. Макс неотделим от нее. Макс – свидетель самого страшного, что произошло с Лаймой, что вообще может произойти с женщиной. И одновременно – что-то светлое, из детства.

В тот момент, когда они после долгого расставания встречаются (Лайма и Макс), она находится в полном контрапункте со своим отцом, с единственным человеком из своей семьи, со своей родной кровью. И тут появляется он, Макс.

Она в полном несознании: ее отец оказался последней тварью. Ее корни сгнили, их нет. Она только мстит всем этим солдатам, с которыми спит: я буду такой, какой вы хотите – сволочью, пьяной дрянью. Это выпад против всех и всего. Ничего святого для нее в этой жизни уже не осталось, она ничего не боится. Про отца она все понимает. И Макс ее вытягивает их могилы, в которую она сама постепенно сходит.

Я еще перед “Варшавской мелодией” (спектакль, в котором играет Ю. Пересильд) очень глубоко погрузилась в трагедию гетто, войны, нищеты, голода... Читала, конечно, и “Детскую книгу войны”, посмотрела фильм “Дети из бездны”, который снимал Павел Григорьевич. Я смотрела его как-то ночью, когда еще не была утверждена на роль. Я не могла после этого просто лечь спать. Я выхлестала бутылку чего-то крепкого (коньяк, виски?), но совершенно не захмелела.

Ад на Земле уже был. И очень важный вопрос – как избежать этого еще раз. Этот ад может повториться, видимо, зло – в природе человека. Это безумно страшно. И все чувства Лаймы нужно рассматривать через призму ситуации, истории, трагедии целого поколения. Человек, пройдя сквозь этот ужас, уже не может быть нормальным. Поэтому еще Лайме так тяжело поверить в любовь Макса, она боится.

Павел Григорьевич давал место для импровизации на площадке?

Давал. Но коридор этой импровизации был очень узким. Это и хорошо. Еще мой мастер, когда я училась, говорил, что импровизация – полная дребедень, никакого отношения к искусству она не имеет. Границы важны. Павел Григорьевич рассказал, показал, объяснил все в процессе. Мы встречались, разговаривали, много времени проводили за костюмом и визуальным образом. Было сделано огромное количество фотопроб – что, куда, к чему. Из огромного выбора, постепенно сужаясь, сложился этот коридор. К моменту, когда я вошла в кадр, я уже была персонажем, я двигалась и думала, как Лайма, от меня уже ничего не осталось. Настроение было ее, ее состояние.

Павел Григорьевич сразу предупредил, что нужно будет петь?

Да, буквально в первую нашу встречу он сказал об этом. И даже больше – я хотела этого, просто должна была петь. Сказать мне, что я буду просто открывать рот под голос другой певицы – это самое болезненное, что можно сделать. Я всю жизнь, с детства, хотела петь. Пение и песня – для меня это главное творческое счастье. Многие роли я понимаю и погружаюсь в них через мелодию или песню. Это безошибочно всегда срабатывает, создает необходимый эмоциональный настрой.

Как-то Павел Григорьевич сказал, что он попробует другую певицу. Я не показала, что сильно расстроилась, а дома просто рыдала. Но я поняла, что Павел Григорьевич – человек, который все понимает, хочет раскопать до самого дна. Может он и прав? Может он так чувствует, надо ему просто уступить. Павел Григорьевич записал голос очень хорошей певицы (не буду называть ее имени), но это не имело никакого отношения к картине. Я доказала, что никто другой этого сделать не сможет. Конечно, в голосе Лаймы должна быть такая боль, что мало кто сможет создать это настроение. Это должна быть актерская песня.

Юрий Потеенко – композитор – поддержал меня очень. Был рад, что это все-таки я буду.

В фильм еще вошла сцена, в которой я совершенно неосознанно спела фрагмент из песни ЦарыЛеандр. Я очень люблю эту эстетику кабаре, в которой она работала. И так случилось, что эта импровизация попала в финальный монтаж.

Вы встречались за съемочной площадкой с Асей Громовой, исполнительницей Лаймы в детстве?

Да, она мне очень понравилась. Я прилетела в Вильнюс, у меня была всего одна сцена, но заложено на нее было три дня. И я взяла свою старшую дочку. Они познакомились, это еще был какой-то праздник в Вильнюсе, все в народных костюмах, мы гуляли. И Риналь был и Елисей с нами. Т.е. все исполнители главных ролей, вместе. Мне кажется, очень здорово она все сделала. Дело не во внешней истории, что мы похожи или нет. Она большая молодец. Теперь вот стала настоящей фотомоделью, говорят у нее и агент свой есть. У нее прекрасное

выразительное лицо, она умеет передавать эмоции без текста, молодец. Она настоящая Набоковская Лолита.

Тяжелый был график, постоянные перелеты из Москвы в Вильнюс и обратно? Приходилось параллельно заниматься с театром...

Нет. Все было не так. Я люблю, когда все происходит быстро, но в этот раз я параллельно ничем не занималась, нигде не снималась, в театре не играла. Эту роль с кондачка не возьмешь. Больше двух месяцев я занималась только Лаймой. К тому же я даже визуально в этой картине очень сильно изменилась. Я похудела сильно, весила как в 9-м классе в школе. Это было таким настойчивым пожеланием и Павел Григорьевич и продюсера Сабины Еремеевой. А я совершенно не склонна к диетам, вообще – к ущемлениям собственного организма. Ноя понимала сама, что это необходимо – из героини, как я уже говорила, выпили все силы, всю кровь. Надо было это передать.

Есть ли какой-то мостик между той женщиной (1940-х - 50х) и сегодняшней?

Не в случае с Ламой. Она не входит в категорию обычных женщин 1940х. Она свободная внутри, ни в чем себе не врет. Она может раздражать, ее могут не любить, но она вот такая. Еще мне кажется, что в отношениях между мужчиной и женщиной все было проще, яснее. Такая ситуация: сегодня человек на войну уходит, он может не вернуться. Поэтому было много связей, романов стремительных, после которых люди расставались или встречались только через 20 лет. Все было сконцентрированным, здесь и сейчас. Или никогда.

Люди сексуально были более свободны, по сравнению с сегодняшним днем. Женщины и солдаты – это же понятно, чем может закончиться. А сегодня все правильные, лучшие ракурсы выбирают для инстаграма, немножко ЗОЖ... Мотивировка та же – мужчины. Но все стало намного сложнее, больше правил, норм, условностей: это не ешь, туда не ходи. Почему я должна просыпаться утром и выкладывать очередную фотографию в какую-то соцсеть, с правильной улыбкой. Все перешло в виртуальную реальность, все сидят по домам. Никто не хочет тактильных ощущений.

О чем, для тебя, этот фильм?

О том, что Ад на Земле уже был. И о том, что невозможно ничего просчитать даже на день вперед. Ведь и Лайма и Макс, оба они были счастливы – мама, папа, сестра, дом... И все разрушилось в одну секунду. Жизнь жестока. Люди превратились во врагов в один день. Любовь – большая редкость. Всегда появляется какое-то обстоятельство, которое сильнее. Лайма и Макс любили друг друга, но счастье у них не случилось, разрушилось не сложившись. Макс любит Лайму абсолютно детской, бескорыстной любовью. А Лайма жестче, время ее такой сделало. А счастья очень хочется, хоть маленького...

Эксклюзивное интервью предоставлено кинотеатром “Синема Парк”.